

«Требуется утвердить один авторитет во всех областях»

60 лет назад, в апреле 1947 года, Политбюро приняло решение о проведении очередной масштабной философской дискуссии, поскольку только что завершенная оказалась «куцей и неэффективной». Историю того, как в СССР ученым внушали, кто в стране главный мыслитель, восстановил корреспондент «Власти» **Кирилл Новиков.**

ПРИ СОДЕЙСТВИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА ВАГРИУС
«ВЛАСТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

«Философия враждебна пролетариату»

Времена правления Иосифа Сталина в современном массовом сознании плохо увязываются с понятием «дискуссия». Между тем в сталинскую эпоху дискуссии проводились довольно регулярно. Более того, дискутировать дозволялось и даже предписывалось философским работникам, то есть советским философам, которые, казалось бы, напрямую работали с такими священными материями, как основы марксизма-ленинизма. Правда, у всех этих дискуссий была одна особенность: проигравший в лучшем случае должен был публично каяться в ошибках, а в худшем — подвергался физическому уничтожению. Причем начиная с 1930-х годов поиски истины в философских диспутах неизбежно приводили к констатации того, что объективная истина — в Кремле, а главный философ в стране — товарищ Сталин. В итоге главным смыслом дискуссий стала победа, приносящая высокие должности, почет и прилагающиеся к ним блага.

Первая дискуссия началась в 1924 году, когда группа советских марксистов заявила, что философия отныне вообще не нужна. Первым об этом заговорил ректор Петроградского университета и видный большевик Сергей Минин, выступивший в 1920 году со статьей под характерным названием «Философия за борт», в которой утверждал, что «подобно религии, философия враждебна пролетариату». В 1924 году эту идею поддержал видный партийный деятель Иван Скворцов-Степанов, прославившийся переводом «Капитала», который заявил, что настоящая философия — это совокупность достижений естественных наук и настоящему марксисту ничего другого и не нужно. У Скворцова-Степано-

ва сразу нашлось немало сторонников, в основном среди представителей естественных наук. В частности, в его поддержку высказались коллектив НИИ им. К. А. Тимирязева и сам сын великого биолога Аркадий Тимирязев. Среди последователей Скворцова-Степанова были и философы. Например, Любовь Аксельрод, которая стала одним из лидеров «механистов», как стали называть сторонников выбрасывания философии за борт. Однако если бы восторжествовала точка зрения «механистов», то люди, считавшие себя профессиональными философами-марксистами, остались бы не удел, чего они совсем не хотели. Против «механистов» выступили «диалектики» во главе с Абрамом Дебориным, работавшим в Комакадемии

винениям и прямым подтасовкам, причем «диалектики» преуспели в этом деле больше своих оппонентов. Еще в самом начале дискуссии «диалектик» Ян Стэн обвинил Скворцова-Степанова в том, что тот двинулся «вспять от диалектического материализма к материализму механическому». Затем на чашу весов лег перевод «Диалектики природы» Энгельса, где нашлась фраза, четко указывающая на руководящую роль философии: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы». В действительности фраза Энгельса была переведена не совсем корректно, и в более точном переводе она звучит не столь категорично: «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия». Но «диа-

ревизионизмом понималось стремление пересмотреть учение классиков, на что могли решиться только законспирированные враги.

Наконец, в 1928 году «диалектики» смогли захватить рычаги управления в Обществе воинствующих материалистов, которое тут же переименовали в Общество воинствующих материалистов-диалектиков, что в совокупности с их позициями в руководстве журнала «Под знаменем марксизма», во главе которого стоял Деборин, давало им отличный административный ресурс для борьбы с оппонентами. С этого времени «механисты» фактически ушли со сцены, и в необходимости философии больше никто не сомневался. В том, что главными аргументами в философском споре отныне являются закулисные интриги и политические доносы, тоже не осталось сомнений, что и подтвердило развитие событий.

«Перекопать весь навоз»

В 1920-х годах мало кто из спорящих философов обращал внимание на то, что в стране был еще один философ, который, в сущности, не уступал им по уровню теоретической подготовки, а в искусстве политической интриги далеко их превосходил. Иосиф Сталин отметил в философии еще в 1906 году работой «Анархизм или социализм?», в которой он рассуждал о Гегеле, Прудоне и других мыслителях прошлого. Причем главный принцип своего теоретического мышления Сталин сформулировал в первых же строках этого произведения: «Стержнем современной общественной жизни является классовая борьба. А в ходе этой борьбы каждый класс руководствуется своей идеологией». Поскольку будущий вождь никогда не делал различий между философией и идеологией, из этого следовало, что любая философская идея является орудием политической борьбы между классами и более мелкими группировками вроде «уклонов» в партии, а значит, всегда является либо полезной, либо враждебной. Когда же в середине 1920-х годов Сталин стал забирать в свои руки власть, ему понадобились собственные философы, которые, содной стороны, полностью разделяли бы его мысль о неразрывности философии и политики, а с другой стороны, были бы всецело ему верны. Вскоре такие люди нашлись, хотя их уровень теоретического мышления был заметно ниже, чем у «диалектиков» и «механистов».

Повод к новой дискуссии подал лично Сталин, когда 27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов заявил: «Надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевают теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успеха-

Многие участники философских дискуссий середины 1920-х годов (на фото) дорого заплатили за то, что с опозданием рассмотрели главное светило марксистско-ленинской философии (на фото слева)

им. Я. М. Свердлова. «Диалектики», естественно, считали, что философия очень нужна, потому что только профессиональный философ может защищать основы учения Маркса и Энгельса.

Оппоненты обвиняли друг друга в схоластическом подходе и, в сущности, были правы, потому что доказать свою правоту с помощью вычислений и экспериментов не могли ни те, ни другие. Между тем и те и другие верили, что философская истина может быть только одна, а ближе всех к ней тот, кто лучше умеет вчитываться в тексты классиков марксизма-ленинизма. При таком подходе научная совесть прямо требовала расправляться со своими идейными противниками всеми возможными способами, подобно тому, как схоласты Средневековья с сознанием исполненного долга отправляли друг друга на костер.

Поскольку аргументы не действовали, пришлось прибегнуть к политическим об-

лектиков» вполне устраивал первый вариант. Наконец, Деборин перешел к прямым обвинениям в отступничестве. Весной 1926 года во время диспута с «механистами» Деборин заявил «определенно, с полным сознанием ответственности за то, что говорю, что группировка, возглавляемая тт. Аксельрод и Тимирязевым, носит определенно ревизионистский характер». Под

«На публичном собрании я должен был провозгласить Сталина великим философом. По-видимому, ему нужно было „благословение“ на его злодеяния»

ми и развитием теоретической мысли». Хотя речь шла об отставании в области аграрной теории, идеей немедленно воспользовались философы, до поры находившиеся в тени славы «диалектиков». Группа молодых философов, входивших в партийную ячейку Института красной профессуры, во главе с Марком Митиным и Павлом Юдиным объявила о необходимости «борьбы на два фронта» — против «диалектиков» и «механистов».

«В конце 1930 г. тогдашний заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК, — писал впоследствии Деборин Хрущеву, — объявил мне, что отныне требуется утвердить один авторитет во всех (!) областях, в том числе и в области философии. Этот авторитет — наш вождь Сталин.

В связи с этим меня вскоре посетили на квартире т. Митин, Юдин и Ральцевич, которые предъявили мне ультиматум: на публичном собрании я должен был разгромить своих учеников, объявив их врагами народа, самого же Сталина провозгласить великим философом. Хорошо зная, чем я рискую, я все же категорически отказался от выполнения этого приказа. По-видимому, Сталину в то время нужно было "благословение" на его злодеяния.

После моего отказа последовала бешеная атака на меня и моих единомышленников — преданных ленинцев, которых обвинили в терроризме. Особенно дико действовал М. Б. Митин, который не останавливался перед самой дикой клеветой».

На «диалектиков» посыпались обвинения в троцкизме, а на «механистов» — в «правом уклоне». Деборин пытался отбиваться, но вскоре признал свои ошибки и покаялся. Однако группе Митина этого было мало. Бюро партийной ячейки Института красной профессуры обратилось к Сталину с письмом, в котором содержалась просьба дать оценку «положению на философском фронте», и Сталин охотно откликнулся, явившись 9 декабря 1930 года на заседание бюро ячейки. О том, что там происходило, известно из записки, которую вел Митин: «Т. Сталин: "Они (то есть деборинская группа. — «Власть») занимают господствующие позиции в философии, естествознании и в некоторых тонких вопросах политики. Это надо суметь понять. По вопросам естествознания черт знает что делают, пишут о кейсманизме и т. д. и т. п. — и все это выдается за марксизм. Надо разворошить, перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Надо все разворошить, что написано деборинской группой, разбить все ошибочное. Стэна, Карева (философа Николая Карева. — «Власть») вышибить можно; все разворошить надо. Для боя нужны все виды оружия... На деле они антимарксисты. Какой же это марксизм, который отрывает философию от политики, теорию от практики. Формальных основа-

Переводчик Маркса Скворцов-Степанов (на фото вверху слева) и сын переводчика Дарвина Аркадий Тимирязев (на фото внизу слева) долгое время наивно полагали, что в философии они сами с усами

ний, однако, уличить себя в антимарксизме не дадут"... При обсуждении кандидатуры т. Деборина т. Сталин сказал: "Деборин, по-моему, безнадежный человек. Однако в редакции (журнала «Под знаменем марксизма». — «Власть») оставить надо, для того чтобы было кого бить. Надо и одного из механистов, только кого-нибудь из них пооборотистей. У вас в редакции будет большинство. Редакция будет вашей школой. Вы тут внутри в редакции будете иметь два фронта. Вы должны все вопросы проверять на этих двух фронтах, для того чтобы самим не ошибиться и не впасть в односторонность. В редакции будете учиться и знать противника. Имейте в виду, что редакция — это не ЦК. Вам надо внутри редакции дискуссировать, вести боевую идеологическую борьбу и проверять каждый раз свою линию».

Сталин собирался расставить на важнейшие философские посты своих верных людей, но, понимая, что их научная квалификация оставляет желать лучшего, решил

не уничтожать сразу всех идеологических противников, дабы молодежи было на ком точить когти. И действительно, Деборин так хорошо исполнил отведенную ему роль мальчика для битья, что сумел пережить борьбу с «меньшевистствующим идеализмом», эпоху репрессий и даже самого товарища Сталина. Куда меньше повезло другим «диалектикам». Так, Иван Луппол умер в лагерях в 1943 году, а Ян Стэн был арестован и впоследствии расстрелян.

Время показало, что призывы Сталина знать противника были услышаны. Как вспоминали ветераны советской философии, Митин не постеснялся присвоить одну из рукописей Стэна и опубликовал ее под своим именем.

«Чрезвычайно трудно пробиться в публичность»

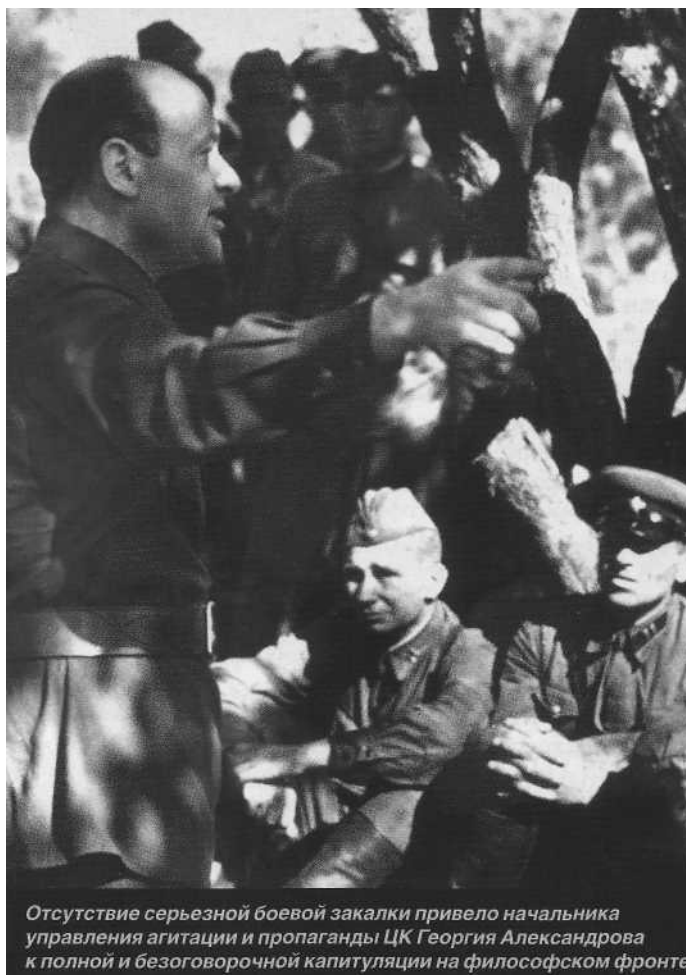
Теперь власть в советской философии полностью принадлежала Митину, Юдину и тем, кому они благоволили. Митин воз-

Павел Юдин, Марк Митин и Бернард Быховский не разглядели в классиках немецкой философии могильщиков своей карьеры

лавил журнал «Под знаменем марксизма», а в 1939 году был введен в ЦК партии и встал во главе Института Маркса—Энгельса—Ленина. Юдин же в 1932 году возглавил Институт красной профессуры, в 1937 году — Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ), а в 1938 году одновременно стал руководить Институтом философии АН СССР. Митин и Юдин неустанно громили «врагов» в своих статьях, но крупных философских трудов из-под их пера не выходило. Другим философам тоже не давали развернуться, дабы никто не смел затмевать достижения высокого начальства. Самым масштабным проектом той поры была многотомная «История философии», которая должна была дать новый, марксистский взгляд на развитие человеческой мысли. За эту грандиозную задачу взялся юдинский Институт философии, и в 1940 и 1941 годах вышли первые два тома. Однако с третьим томом вышла осечка, которая повлекла за собой самую крупную философскую дискуссию сталинской эпохи, причем философы, как всегда, боролись не столько за научную истину, сколько за теплые места.

Третий том должен был быть посвящен XIX веку, то есть эпохе расцвета немецкой классической философии, и тут перед авторским коллективом вставала непростая дилемма. С одной стороны, с немцами шла война, а потому хвалить их было нельзя; с другой стороны, диалектика Гегеля считалась методом, взятым на вооружение диалектическим материализмом, что неоднократно подчеркивали все классики и

Отсутствие серьезной боевой закалки привело начальника управления агитации и пропаганды ЦК Георгия Александрова к полной и безоговорочной капитуляции на философском фронте

водители, не исключая самого Сталина. В итоге решили, что немецких классиков не стоит записывать в фашистские оккупанты, и Гегеля не стали клеймить чересчур жестко. Третий том «Истории философии» вышел в 1943 году и был принят вполне положительно. Авторский коллектив получил Сталинскую премию, но этот триумф был началом конца эры всевластия Митина и Юдина.

Первым удар нанес заведующий кафедрой философии МГУ Зиновий Белецкий,

который к тому времени имел все основания недолго любить высокое философское начальство. Белецкий с 1934 года работал в Институте философии, где не проявлял каких-либо научных дарований, но зато постоянно кого-нибудь критиковал и с кем-нибудь боролся. Своими бесконечными наскоками он так надоел Юдину, что тот в 1943 году выгнал его из института. Белецкий, сохранивший должность в МГУ, не сдался и в 1944 году написал письмо Сталину, в котором разоблачил всю неправильность терпимого отношения к Гегелю в третьем томе «Истории философии». По Белецкому выходило, что философия Гегеля есть «аристократическая реакция на французский материализм и Просвещение», а потому философия Гегеля нужно было как следует обругать.

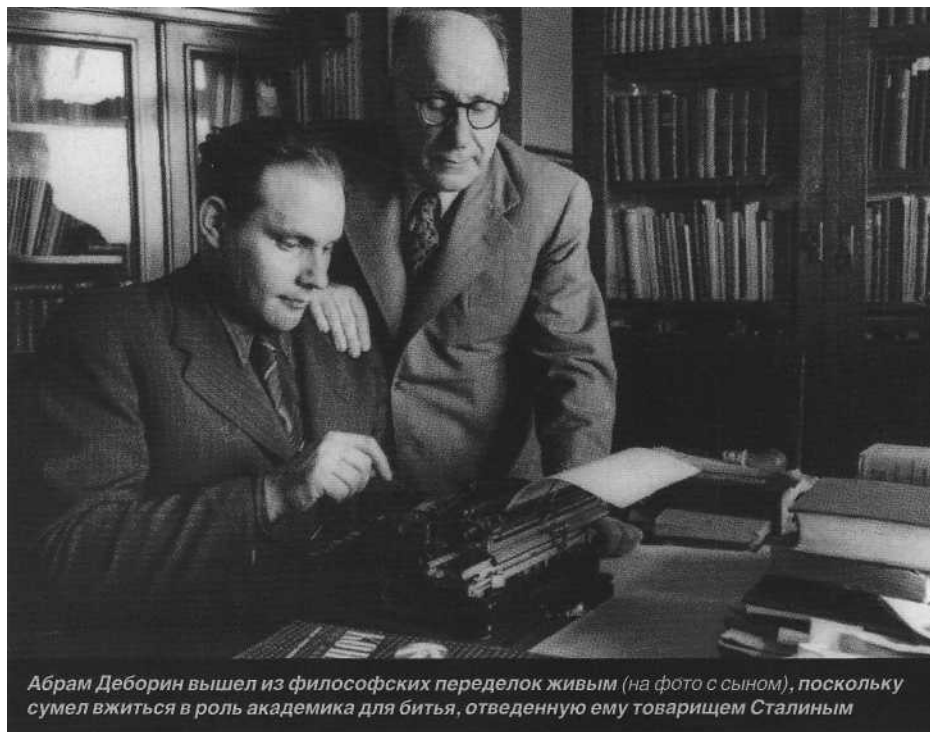
Внешне все выглядело так, будто Сталин внял голосу Белецкого, но на деле вождь, видимо, решил, что в философии пришла пора менять обленившихся и перекормленных коней. Вскоре последовало специальное постановление ЦК ВКП(б), осуждающее позицию третьего тома как

апологетическую по отношению к немецкой философии. Сталинская премия за третий том была снята, а его редакторы Павел Юдин, Марк Митин и Бернард Быховский были освобождены от занимаемых должностей. Впрочем, Митин сохранил за собой членство в ЦК, а Юдин остался во главе ОГИЗа, так что их влияние осталось весьма заметным. Более того, Митин стремительно перестроился и до конца 1944 года уже сам грошил «реакционные социально-политические взгляды Гегеля».

Между тем их соавтор Георгий Александров, начальник управления агитации и пропаганды ЦК, решил резко упрочить свое положение на философском Олимпе. Он позаботился о том, чтобы освободившиеся руководящие высоты в философии заняли его соратники по агитпропу. А в 1945 и 1946 годах он издал книгу под названием «История западноевропейской философии». Она представляла собой сборник очерков о европейских философах и была изложением его лекций 1930-х годов. Ничем не примечательный труд неожиданно издали огромным тиражом и рекомендовали в качестве вузовского учебника. Быстро сориентировавшиеся Митин и Юдин представили книгу на соискание Сталинской премии, а 30 ноября 1946 года Александров стал академиком АН СССР. Но Сталин оценил старания Александрова как покушение на свое главенство в общественных науках, что положило начало грандиозной философской дискуссии 1947 года.

«У них в руках печать, и академии»

Прежде всего не дремал Белецкий, который в ноябре 1946 года отправил наверх очередное письмо: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Приблизительно два года тому назад было вынесено решение Центрального Комитета партии о 3-м томе "Истории философии", вышедшем под редакцией тт. Александрова, Быховского, Митина, Юдина. Решение ЦК было воспринято как дальнейшее развитие указаний, данных Вами еще в 1931 г. о меньшевистствующем идеализме... Однако сейчас это решение ЦК оказалось сведенным на нет. Оно истолковывается в новом смысле. Выдвинута странная теория о том, что это решение вынесено не в связи с какими-то принципиальными, теоретическими ошибками, допущенными в 3-м томе, а по конъюнктурным соображениям: шла, мол, война с немцами, нужно было тогда их бить. Война закончилась, теперь следует все поставить на прежнее место... Если прочесть "Историю философии" т. Александрова, то можно убедиться, что новых каких-либо мыслей по вопросу об истории философии как науки он не дает». Белецкий обвинял Александрова в том, что тот вместо политически окрашенной критики философов прошлого дает «беспардонное, академическое изложение» их теорий. Главным же был следующий пассаж: «Руководящие работники философского фронта являются руководящими работниками Управления пропаганды ЦК. По занимаемому положению они обязаны давать лишь директивы, что и делают. У них в руках и печать, и академии, и пр. и пр.». Иными словами, Белецкий протестовал против того, что власть в философии принадлежит группе бюрократов, что было сущей правдой, но при этом настаивал на том, что эти бюрок-

Абрам Деборин вышел из философских переделок живым (на фото с сыном), поскольку сумел вжиться в роль академика для битвы, отведенную ему товарищем Сталиным

раты слишком много философствуют, относясь к Гегелю как к классику, а не как к классовому врагу. Его возмущало, что функционеры вели себя как философы. Это было непозволительно никому, в том числе и философам, которые должны были вести себя как функционеры, и в этом власть была с ним полностью согласна.

В конце 1946 года ЦК предложил подвергнуть «Историю западноевропейской философии» обсуждению, которое и было проведено в январе 1947 года силами столичных философов, причем на заседании присутствовал секретарь Сталина Александр Поскребышев. Однако партия не послала философам внятных сигналов о том, что собирается сделать с Александровым, а потому московские философы, воспринимавшие начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) как своего начальника, высказывались очень осторожно. Недовольство Сталина вылилось в суровое решение Политбюро:

«ЦК ВКП(б) получил материалы об итогах дискуссии, проведенной Институтом философии Академии Наук в середине ян-

варя 1947 года по книге тов. Александрова "История западноевропейской философии". Просмотрев представленные материалы, ЦК пришел к выводу, что как организация дискуссии, так и способ подведения ее итогов оказались неудовлетворительными. К дискуссии не были привлечены работники из республик и других крупных городов, кроме Москвы. Часть записавшихся в прениях не получила слова... По всем этим причинам дискуссия оказалась куцей, неэффективной и не принесла должных результатов».

Вождь приказал организовать новую, широкую дискуссию, которую поручил возглавить и направлять Жданову. «Съезд философов», как его называли верные сталинцы, открылся в Москве 16 июня 1947 года. Опытный Александров не сказал ни слова в свою защиту и жестко критиковал сам себя. А каждый выступающий искал в труде Александрова какой-нибудь изъян, и тут начиналась откровенная ловля блох. Так, Моисей Эмдин подсчитал, что из 69 описанных философов Александров не указал классовые корни у 47. И добавлял к общим обвинениям: «Точно также не было никакого партийного смысла т. Александрову на стр. 421 его книги приводить письмо Гегеля Борису Икскулю. Это не только партийно нецелесообразно, но и антинаучно, ибо всегда интересы нашей партии совпадают с научной объективной истиной».

Книгу Александрова и ее автора критиковали выдвигавший ее на Сталинскую премию Митин и даже написавший хвалебную рецензию на нее московский философ П. Е. Вышинский. Итог дискуссии подвел товарищ Жданов. С книгой Александрова все было предельно просто: «Вывод таков, что учебник плох, что нужно его коренным

«Руководящие работники философского фронта являются руководящими работниками Управления пропаганды. По своему положению они обязаны давать лишь директивы»

Подводя итоги «Съезда философов» 1947 года, товарищ Жданов доходчиво объяснил, какая инстанция в любом философском споре является последней

образом переработать». Выводы по общему положению дел в философии были сложные: «То обстоятельство, что книга не вызвала сколько-нибудь значительных протестов, что потребовалось вмешательство Центрального Комитета и лично товарища Сталина, чтобы вскрыть недостатки книги, означает, что на философском фронте отсутствует развернутая большевистская критика и самокритика... А разве наш философский фронт похож на настоящий фронт? Он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения. Поле боя еще не захвачено, соприкосновения с противником большей частью нет, разведка не ведется, оружие ржавеет, бойцы воюют на свой страх и риск, а командиры или упиваются прошлыми победами, или спорят, хва-

тит ли сил для наступления, не следует ли потребовать помощи извне или на тему, насколько сознание может отстать от бытия, чтобы не показаться чересчур отсталым».

И все снова поняли, что главный философ в стране только один. И он лично и есть объективная истина, данная советским философам раз и навсегда. После дискуссии 1947 года даже изменили порядок преподавания предметов на философских факультетах. Теперь философию изучали не в хронологическом порядке появления различных учений с древнейших времен, а со сталинских трудов, как и требовали на «съезде философов».

Александров отделался понижением — его назначили директором Института философии АН СССР, что, казалось бы, свиде-

тельствовало о конце карательных финалов научных споров. Но всего через два года началась борьба с «космополитизмом», в которой снова одни смогли подняться по карьерной лестнице, а другие лишились всего. Последующие кампании и дискуссии также были чреваты обструкциями и последующими арестами.

В 1954 году участник одной из них Л.Д. Ярошенко написал Маленкову: «На экономической дискуссии в 1951 году и в письме членам Политбюро мною была изложена моя точка зрения по вопросу теории политической экономии социализма. Это послужило поводом к тому, что 12 января 1953 года я был арестован и без суда содержался в тюрьме, в одиночной камере до 26 декабря 1953 года. В тюрьме ко мне были применены несоветские методы допроса. Путем лишения сна меня доводили до такого состояния, когда человеку становится все безразличным. Смерть становится лучшим средством прекращения мучений. Когда меня доводили до такого состояния, тогда требовали подписывать протокол допроса, заготовленный следователем».

После смерти Сталина философские дискуссии не прекратились. Но из-за того, что никто из первых лиц СССР больше не претендовал на лавры первого философа страны, о них знали лишь заинтересованные лица. Проигравших с тех пор, как правило, лишали заработка и права публиковаться. Ведь воспитанные на дискуссиях 1930–1940-х годов философы-идеологи не могли обойтись без вида мук поверженных оппонентов.